

Алеуты в годы войны

Война и американские алеуты

Вторая Мировая война затронула большинство народов мира. Алеуты не были исключением. 3 июня 1942 г. северное соединение японской армии, возглавляемое вице-адмиралом Боширо Хосогаем, нанесло авиаудар по военно-морской базе Датч-Харбор на острове Уналашке (территория США). 7 июня солдаты специального штурмового соединения Майдзур захватили остров Кыску, а на следующий день японские военные транспорты вошли в бухту Гольфовую на острове Ату. 42 алеута, то есть все коренное население оккупированной территории, было интернировано в город Отару на острове Хоккайдо. Вынужденные переселенцы жили в нечеловеческих условиях и, чтобы хоть как-то прокормить себя и свои семьи, были вынуждены работать на местном мыловаренном заводе за одну меду в день. За три года 40% из них умерло, а оставшиеся в живых так и не смогли вернуться в родную деревню, которую было решено не восстанавливать. Жителей восточных островов правительство эвакуировало на Аляску. Но война есть война, сборы проходили в кратчайшие сроки, с собой не разрешалось брать практически ничего. Не все смогли выжить на незнакомом лесистом побережье. Даже после окончания страшных событий мир не стал прежним: был навсегда утрачен аттинский диалект, с карты исчезли такие населенные пункты, как Бюрка, Кашега, Макушин и др. В годы холодной войны на о. Ату разместились военная база, а на о. Амчикте проводились ядерные испытания. Маленький северный народ стал заложником большой мировой политики...

Погибшие в бою

Российским алеутам повезло намного больше, если слово «везение» здесь уместно. Но даже среди них были те, кто встретил смерть на полях сражений. Одна из улиц села Никольского на о. Беринга носит имя братьев Вологитиных. Двое из четырех братьев принимали участие в Курильской операции, сражаясь в составе 101-й стрелковой дивизии. Павел Федорович выжил, а его 24-летний младший брат Георгий 18 августа 1945 г. сложил голову на далеком о. Шумшу.

Другой алеут, Евгений Евгеньевич Фрейберг (1925 г.р.), сын Анны Илларионовны Бадаевой, в звании лейтенанта командовал 234 взводом 179-й стрелковой Витебской дивизии. 10 января 1945 г. уроченце о. Медного героически погиб в сражении под Клайпедой.

Еще живы те, кто помнит Жене Фрейберга. Но никто не слышал имени Якова Антоновича Савича (ок. 1910 г.р.), добрейшего парня по прозвищу Куна. Он был старшим сыном Марии Николаевны — внебрачной дочери управляющего Командорскими островами Н.А. Гребенникова, единственной алеутки, получившей потомственное дворянство. Яков принадлежал к кругу «синеглазиков» — так называли сатирический агитационный театральный коллектив, созданный в 1923 г. на базе «Живой газеты» Московского института журналистики. Ребят нередко сравнивали с бродячими актерами. Как и мать, Куна всегда был душой компании. Но началась война, и в 1943-м актер погиб в боях под Сталинградом.

Командорский «Василий Теркин»

В День Победы, 9 мая, островитяне неизменно вспоминают рассказы своего земляка, почетного гражданина Петропавловска и Алеутского района С.В. Тимонькина (1914–2009). В 1933 г. Сергей Венедиктович был призван в погранвойска и до 1937 г. проходил службу на пограничном сторожевом корабле «Воровский». В 1938–1940 гг. работал смотрителем маяка на м. Чаплина. Вернулся на о. Медный, и вскоре ушел добровольцем на фронт. Сражался под Сталинградом, освобождал Таганрог, Ростов-на-Дону, Одессу, Белград, дошел до

Мемориал в селе Никольском. Фото Татаренковой, 2016

Вены. Об этом человеке сказано немало, да и сам он был знатным рассказчиком — слушая, поневоле вспомнишь «Василия Теркина»!

В колонках старых газет «Алеутская звезда» сохранились строки из его письма. От бойца не было вестей почти год. Знали, что он получил ранение под Сталинградом, лежал в госпитале и, выздоровев, снова пошел на передовую. И вдруг в конце мая 1944-го семья получила весточку с фронта: «Сиюю в окопе, смотри — подползает ко мне почтальон и говорит: «Танцуй, письмо дам». Меня прямо в жар бросило, когда я узнал, что письмо с о. Медного. <...> Читал письмо вслух, друзья по оружию обступили меня и жадно слушали, что пишут с далекого, глубокого тыла. У нас каждый из нас шло всего два с половиной месяца. <...> Мне как то дали вести двух пленных. Не захотели фрицы итти, притворились непонимающими. Я им сразу дал понять из автомата. <...> немцы очень боятся моряков. Я это наблюдал сам. Под Сталинградом, около одного населенного пункта, я полз через проволочное заграждение и разорвал на груди гимнастерку, у меня обнажилась краснофлотская тельняшка. Заскакивая в немецкий окоп. Один фриц увидел меня, да как закричал: «Русс!», и сам бежать, что есть духу. Выстрелом я его успокоил. Но я не заметил сзади себя другого немца. С этим пришлось ввязаться в рукопашную. Как продолжилась была схватка, я не знаю. Когда я очнулся, немец лежал возле меня мертвым, а меня товарищ из фляжки отливал водой. Много бы можно рассказать боевых случаев, но писать долго, расскажу, если успею и возвращаясь домой. Передайте всем жителям Командор, знающим меня, мой фронт-вой привет!»

Мать испытала двойную радость: сын жив, бьет ненавистного врага, да еще за боевые заслуги повышен в звании до гвардии старшего сержанта. В квартире Анисы Михайловны на видном месте висел портрет Сергея, рядом — письмо от командования части, где он проходил первую военную подготовку, с благодарностью за воспитание отличника боевой и политической подготовки. «Я написала, — поделилась женщиной, — чтобы сын беспощаднее уничтожал фашистских разбойников, а когда с Красной Армией освободит всю советскую землю, пусть возвращается домой! «Хочется крикнуть: Сережа, дорогой, знаешь, как я люблю тебя, как дорог ты мне, но Родина для нас всего дороже. Поэтому не жалей сил, если нужно, жизнь отдай, — и тихонько добавила, — но одновременно хочу, чтобы сын мой остался жив. Я думаю, что это законное чувство для каждой матери».

Ответил фронтовику и младший брат Василий, практикант-зоотехник зверосовхоза о. Медного. «Ни я, ни твой брат Владимир, работающий бригадиром звероводческой бригады, ни сестра Ира, ни даже мать не стоим в стороне от происходящих событий. В мае этого года товарищ Сталин командовал, за их помощь фронту в сборе средств на строительство эскадрильи самолетов «Камчатка — фронту», прислал благодар-

ность Красной Армии и свой братский привет. В сборе этих средств и мы принимали участие». Ответить земляку на боевые успехи производственными достижениями поощряла старшина кавасаки Борис Хабаров и моторист Павел Зайков.

Помощь фронту

В чем заключалась командорская помощь фронту помимо сбора денежных средств? Женщины доставали из своих сундуков припрятанные для семьи куски фланели, байки, ситца и шили одежду бойцам. Все отдали. Кто не умел шить, бесплатно помогал рыболову с переработкой продукции. Промысловики выполняли и перевыполняли план. Вот как в 1943-м описывал свой обычный рабочий день зав. ухомом (промысловым участком) Тоний месье Иван Хорошев: «с 4 часов утра до 7 часов чищу песцовые шкурки, затем иду проверить ящики-ловушки и налаживаю их (привожу в боевое состояние); днем делаю потаски (разновидность приманки), выбрасываю корм в сетный дворик, а вечером до 10 часов снова обрабатываю шкурки. В моей работе много помогает жена».

Работа промысловика всегда была не из легких, а в военные годы — и подвально. Справлялись с огромными нагрузками помогали алеутский юмор. Николай Яковлев по прозвищу Дутр был катором — на собачьей упряжке развозил по ухомам продукты, предметы первой необходимости, письма и, конечно же, последние новости. А поскольку каждый с волнением ждал сводок о положении на передовой, Дутр частенько продлевал следующие: демонстративно выходил из избы, либо промысловый юртакши, брал двуручную пилу и заставлял ее вибрировать так, чтобы собравшиеся слышали звук «работающей радиостанции». После чего заходил довольный: «Я со Сталиным разговаривал. Сегодня наши войска наступают...», — и сообщал последние новости. Или: «Пароход ожидается на следующей неделе...» Иногда он прилюдно обращался к портрету «вождя всех народов» или членов советского правительства и общался с ними «напрямую». И те, конечно же, по доступным одному ему неведомым каналам, делились «секретными сведениями». На деле у старика имелись наушники, которые можно было подключать непосредственно к розетке радиостанции. В суровых условиях тихоокеанских островов розыгрыши исполком веков скрашивали жизнь, и все участники небольшого шоу, даже зная маленький секрет, с удовольствием подыгрывали главному актеру.

Дети и война

Дети тоже не оставались в стороне. По воспоминаниям Веры Терентьевны Тимошенко, однажды в октябре прямо во время уроков в школу хлынула вода, наверно, цунами. После этого на берегу стали находить серу — говорили, после извержения вулкана.

Мемориал на о. Уналашке. Из Интернета: <http://newsletter.infolot.ru/Articles/Alaska/5/5.html>

на Дети собирали необычные кусочки и помогали учителям отправлять посылки в город.

А еще всех, будь то мальчик или девочка, учили воевать. У каждого имелся свой противогаз с индивидуальным номером, за этим следили строго. Все умели по гулу разбивать летящие самолеты: штурмовики, бомбардировщики, разведчики. В небе над Командорами появлялись в основном союзники, но нужно было быть готовым к любому повороту событий. Гражданскому населению полагалось укрываться в окопах на берегу, где сейчас мемориальный комплекс, близ Выходного Рифа, на Камеке. А в поселке, где сегодня огорода, была оборудована специальная площадка. Среди прочего, там стояло чучело, на котором привязывали и школьники отработывали навыки ведения штыковой атаки и рукопашного боя. Каждая девочка умела выхватить винтовку — а она тяжелая — и проткнуть набитого сеном «врага». На стрельбище отработывали меткость. А еще заучивали сигналы флажного семафора: одна команда шла в сторону собачника (мы знаем это место как «школьный поселок»), а другая поднималась на сопку, где сейчас здание администрации, и отработывали навыки передачи информации первичного оповещения. По вечерам совершали марш-броски до Северного или Сараного — уже по темноте. 20 км где бегом, где ползком. На Северном стоял маяк, после войны его разобрали. Физкультуру и военную подготовку вел Леонид Устинович Расламбеков, иногда приходили офицеры.

Работали. После окончания 7-летки трудился наравне со взрослыми. И успевали к праздникам ставить фрагменты пьес: Чехова, Островского. Не все работавшие имели возможность прийти в клуб, на этот случай работало местное радио.

Не только старшие, но и малыши всем сердцем ждали скорейшей победы. В январе 1945-го в клубе стали наряжать новогоднюю «елку». Но какая же елка — в тундре? Вместо хвойника, которого попросту не было, из-под снега выкапывали вечнозеленые веточки кашкары (рододендрона золотистого) и мастерили праздничное дерево. Украшали игрушками, мишурой и сияющей гирляндой. И до долгожданного дня настал. После дружного хоровода детвора стала декламировать выученные стихи: «Летней ночью, на рассвете, Гитлер дал воиском приказ. И послал солдат немецких Против всех людей советских. Это значит — против нас! Пели песни: «Кубанку», «Катюшу». Ну как на такое веселье не примчаться Деду Морозу? И он вошел: в военной форме партизана, с гранатами за поясом: «Я пришел издалека, из-за далеких морей, из-за многих земель, с фронта Великой Отечественной войны. Пришел оттуда, где ваши отцы и братья бьют проклятых немцев. Принес я вам фронтовой новогодний привет и хорошие пожелания в учебе. Ну, конечно, немножко и подарков новогодних захватил». В одиннадцатом часу вечера, счастливые и довольные ребята шли по домам, унося скромные подарки и самое лучшее воспоминание.

Четыре тяжелых года Командоры были глубоким тылом. Но с 17 часов 10 августа 1945 г. в соответствии с решением Камчатского облсовета было введено военное положение. Все находившиеся в состоянии повышенной боевой готовности. Соблюдая требования светомаскировки, с наступлением темноты запрещалось даже курить на улице. Окончательный праздник наступил 3 сентября.

Татаренкова Н.А.
Начальник отдела сохранения историко-культурного наследия
биосферного заповедника
«Командорский» им. С.В. Маршкова